

УДК 316.356.2

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ОТЦОВСКИХ ПРАКТИК

© 2019 г.

А.Е. Звонарева

Звонарева Александра Евгеньевна, к.соц.н.; доцент кафедры социологии и управления персоналом
Ивановского государственного университета
alexandra_zvonareva@mail.ru

*Статья поступила в редакцию 21.02.2019**Статья принята к публикации 29.04.2019*

Систематизируются подходы к изучению практик отцовства. Представлены анализ и типология отцовства как социальной практики, даются факторы выбора отцовских практик, отраженных в современных социологических исследованиях. Анализ включает теории классиков социологической мысли и современных социологов. Типы практик отцовства выделяются по следующим критериям: в соответствии со степенью участия отца в жизни ребенка; активности/пассивности отца в поддержке матери; принятия/отвержения роли отца; восприятия отца своими детьми; сохранения в сегодняшних практиках элементов традиционного, социал-демократического и индивидуального типов отцовства. Определяются факторы выбора отцовских практик: поддержка матери ребенка; желания отца быть вовлеченным в воспитательный процесс; организация рынка труда в отношении женщин и мужчин; стереотипы, существующие в общественном мнении; социально-экономическое положение; уровень образования; пол ребенка.

Ключевые слова: практики отцовства, типология практик отцовства, факторы выбора отцовских практик.

Введение

В последние десятилетия в социологической науке возрос исследовательский интерес к проблемам семьи и брака, родительства в связи с изменениями института семьи в целом, гендерного разделения ролей, практик материнства и отцовства в частности. В условиях феминизации общества, демократизации ценностей женщины наравне с мужчинами участвуют в экономической деятельности, соответственно устанавливается равная ответственность родителей за воспитание детей, мужчина больше не является единственным кормильцем в семье и все более вовлекается в процесс воспитания, эмоциональную близость с ребенком. В то же время довольно большое количество семей придерживаются традиционного мнения, что забота о детях – исключительно женская сфера деятельности. Появление новых родительских практик – «ответственного отцовства» или «вовлеченного отцовства» – при сохранении традиционных и девиантных моделей поведения отцов стимулирует исследование отцовских практик социологами и психологами.

Цель данной статьи заключается в систематизации подходов, направленных на изучение практик отцовства, типологий практик отцовства, факторов выбора отцовских практик.

Отцовство как социальная практика

Отцовские практики входят в категорию практик повседневной жизни. Важность изуче-

ния повседневной деятельности людей признавал Э. Гидденс, определяя предметом социальных наук социальные практики, упорядоченные во времени и пространстве [1]. По его мнению, повседневная жизнь представляет собой поток преднамеренной деятельности [1, с. 47], через эту деятельность акторы воспроизводят условия, делающие эту деятельность возможной. Это положение соответствует главному принципу теории структуриации – принципу дуальности структуры, согласно которому правила и ресурсы, которыми индивиды руководствуются, должны рассматриваться «и как средства воспроизводства социальной жизни в качестве продолжающейся деятельности, и одновременно как продукты, производимые и воспроизводимые этой деятельностью» [1, с. 61–62].

Деятельность представляется как непрерывный процесс, который деятель (или актор) отслеживает (он ожидает этого от других, а также контролирует социальные и физические факторы своего окружения). Гидденс подчеркивает, что индивид, контролируя свои действия, является их движущей силой. Он различает понятия рефлексивного мониторинга и рационализации действия, а также его мотивации. Рационализация означает, что акторы имеют целостное теоретическое представление о мотивах своих действий [1, с. 44]. Мотивы же представляют собой проекты или планы, согласно которым развертываются сценарии действия [1, с. 45]. Причем рутинные действия в повседневной жизни не

мотивированы напрямую, они проявляются в нестандартных ситуациях. Социолог придает важное значение контекстуальности – масштаб контроля за действиями ограничен конкретными условиями ситуации.

Хотя акторы совершают преднамеренные контролируемые действия, последние могут иметь непреднамеренные последствия, а «эти последствия могут систематически превращаться в неосознанные условия дальнейших поступков» [1, с. 47]. То есть, с одной стороны, отцы в своей повседневной деятельности руководствуются структурными правилами и ресурсами, которые ограничивают контроль за деятельностью в данном контексте, и тем самым воспроизводят структуру. С другой стороны, их действия не лишены возможности модернизации, вследствие чего повседневные отцовские практики производят новую структуру.

Взаимосвязь структуры и практик рассматривает в конструктивистском структурализме П. Бурдьё. Французский социолог вводит понятие «агента», характеризующегося активностью, способностью осуществления практик определенного сорта и стратегий, направленных на сохранение или изменение своей позиции в социальном пространстве [2, с. 14–15]. Социальные агенты «непрерывно конструируют социальный мир через практическую организацию повседневной жизни» [2, с. 16].

Позиции агентов в социальном пространстве определяются их активными свойствами или объемом и структурой их капиталов, то есть структурой сил [3, с. 559]. Именно капитал представляет собой «возможность распоряжаться необходимыми условиями и предпосылками практик и в то же время является силовой структурой – структурой господства и власти над другими агентами» [3, с. 559].

Основным понятием в теории Бурдьё является «габитус» – система «устойчивых и переносимых диспозиций» [4, с. 103]. Габитусы, в состав которых входят когнитивная и мотивирующая структуры, порождают и организуют практики. Но данная система диспозиций не подразумевает механического воспроизводства опыта, сложившегося в изначальных социальных условиях, практики соотносятся с объективными возможностями, присущими данной ситуации. Создаются новые практики, агенты через практики конструируют социальные структуры. При этом габитус стремится исключить поведение, не соответствующее объективным условиям, то есть практики, вызывающие негативные санкции. Также габитус является продуктом структуры, которая управляет практиками через принуждения и ограничения, из-

начально определенные его находчивостью [4, с. 107].

Соответственно, отцы производят родительские практики, обусловленные не только личной мотивацией, наличием соответствующих капиталов, но также прошлыми практиками и структурой. В то же время практики воспроизводят и структуры, трансформируются сами и видоизменяют структуры – от традиционного отцовства до вовлеченного. В частности, традиционное отцовство воспроизводит практики, в основе которых устойчивы габитус и мифоритуальная система, конструирующие деление полов и мужское господство как естественные и очевидные [3, с. 292]. Согласно такому делению полов, женщинам, а не мужчинам атрибутируются такие свойства, как внутреннее, низкое, постоянное, вследствие чего женщины воспринимают как свои все домашние работы, то есть внутренние и спрятанные, такие, как растить детей [3, с. 294].

Бурдьё разделяет групповой габитус и индивидуальный габитус. Групповой габитус характеризуется согласованностью практик членов группы: ожидаемо, что «при объективной гомогенизации габитусов группы или класса, вытекающей из гомогенизации условий существования» [4, с. 115], агенты будут производить сходные практики. Так, практики отцов, принадлежащих к среднему классу, скорее, будут во многом совпадать и отличаться от практик отцов, принадлежащих к более низкому классу.

В соответствии с идеями С. Уильямса и У. Бека, а также Э. Гидденса, при реализации отцовских практик мужчины руководствуются персональным выбором, но на самом деле эти выборы детерминированы обстоятельствами семейной жизни. Так, отцовство, по словам Д.В. Мальцевой, «очень индивидуализированная и, учитывая, что отцы стремятся ответить на ситуационные вызовы, крайне рефлексивная социальная практика» [5, с. 277].

Практики отцовства являются производными от социальных функций отца, реализуемых в сфере родственных и семейных отношений. В рамках этих функций выделим следующие практики отцовства:

- репродуктивная функция – репродуктивные практики;
- статусная функция – практики сохранения и укрепления семьи и рода, представления семьи во внешнем мире и согласования интересов семьи с общественными интересами;
- функция инкультурации и социализации – практики обучения членов семьи культурным и социальным ролям;
- хозяйственно-бытовая функция – практики материального обеспечения жизни и быта семьи [6, с. 64].

Формирование отцовских практик на уровне социальной роли имеет три измерения:

- идеальное, включающее социокультурные эталоны;

- нормативное, включающее набор социальных ожиданий в отношении поведения индивида, реализация которого обеспечивается с помощью социального контроля;

- вероятностное, связанное с индивидуальным поведением, детерминируемым комплексом социальных статусов человека [6, с. 65].

Исследование нами советской журнальной периодики с 1920-х годов по 1985 год (журналы «Работница», «Крестьянка», «Общественница», «Семья и школа») показывает процесс формирования образов отца. Образы отца, формируемые советскими СМИ, воздействовали на идеальный и нормативный уровни исполнения отцовской роли, эти образы закрепляются в габитусе как диспозиции [7, с. 119], которые будут лежать в основе восприятия и оценивания последующего опыта.

То есть идеально-нормативный образ отца, сформированный советскими СМИ, закрепленный в габитусе, воспроизводится современным мужчиной, однако видоизменяясь под влиянием объективных и субъективных факторов. Таким образом, содержание социальных практик отцовства, понимаемых как совокупность действий по реализации обязанностей, прав и ответственности за их выполнение, задается существующими объективными структурами, в рамках которых функционирует институт семьи, а также регламентируется культурными идеалами, социальными нормами [7, с. 59].

И.С. Кон определял реальные отцовские практики (fathering) как деятельность, связанную с выращиванием и воспитанием детей, практики более изменчивы и разнообразны, чем институт отцовства (fatherhood); их изучение подразумевает описание того, что фактически делают конкретные отцы и что чувствуют. Объем и содержание отцовских практик зависят от нормативных установок, существующих в данном обществе. Практики трансформируются вследствие социокультурных изменений – ученый рассматривает «кризис отцовства» в трех аспектах: кризиса семьи, кризиса маскулинности и кризиса власти [8, с. 305–306].

О.Н. Безрукова рассматривает социальные практики ответственного отцовства как «совокупность навыков, представляющих вовлеченность в заботу о ребенке и его матери, начиная с планирования рождения ребенка и беременности, навыков ухода и воспитания ребенка, раскрывающих и оформляющих идентичность мужчины как отца в условиях повседневности» [9, с. 268]. Эти практики автор рассматривает в трех основных формах:

- гендерные: навыки и формы участия в эмоциональной и инструментальной поддержке жены и ребенка, стиле распределения домашних обязанностей, характере ответственности и лидерства в супружеских отношениях, в приоритетах распределения ресурсов свободного времени между заботой о близких и дружеским общением, трудовой занятости;

- репродуктивные: действия отца, сопровождающие беременность, способствующие созданию благоприятных условий и повышению качества подготовки семейной системы «отец – ребенок – мать» для рождения ребенка, присутствие при родах;

- коммуникативные: коммуникативное взаимодействие в сообществе отцов «Папашколы», сетевых родительских сообществах в процессе создания солидарных норм, правил и практик идентичности ответственного отца, обмена опытом отцовства [9, с. 268–269].

Таким образом, отцовство как социальная практика формируется под влиянием объективных структурных и субъективных факторов. Практики, в свою очередь, являются результатом и предпосылкой действий, изменяют структуру. Э. Гидденс особо подчеркивает рефлексивность акторов, в теории П. Бурдьё важным оказывается габитус как диспозиции, инкорпорированное акторами объективное. Вариативность содержания отцовских практик зависит как от идеалов и нормативных установок данного общества, так и от индивидуальных свойств конкретного отца.

Типологии отцовских практик

Многие исследователи типологизируют полученные данные с целью классификации моделей отцовского поведения.

И.О. Шевченко, основываясь на данных собственного исследования, выделяет следующие типы отцов в полных семьях в соответствии со степенью их участия в жизни ребенка:

- «активный отец» – наравне с матерью вовлечен в воспитательный процесс и повседневную заботу о ребенке;

- «осведомленный отец» – вовлечен в процесс воспитания, но не выполняет повседневные обязанности;

- «присутствующий отец» – не является авторитетом для детей и жены, самоустраивается от процесса воспитания ребенка;

- «уникальный отец» – занимается воспитанием детей вместо жены (или без жены при монородительстве) [10, с. 283].

Отцы в послеразводной ситуации делятся на следующие типы:

- «отвергнутый отец» – обиженная мать препятствует участию отца в жизни ребенка, в

данную категорию могут попасть и ранее активные и заботливые отцы;

– «ограниченный в правах» отец – может видеться с ребенком, но часто на условиях матери, использует возможность участвовать в жизни ребенка в ущерб иным интересам;

– «счастливый» отец – активно принимает участие в воспитании ребенка, поддерживая хорошие отношения с его матерью, не пренебрегая своими интересами;

– «пропавший» отец – сам не желает участвовать в жизни ребенка [10, с. 284].

О.Н. Безрукова, исследуя отцовские практики поддержки матерей, выделяет четыре типа идентичности отцов на основе критериев активности/пассивности в поддержке матери, принятия/отвержения роли отца [11, с. 120]:

1) *активно-принимающими* отцами являются как традиционные, так и современные отцы, выполняющие практики вовлеченности в воспитание, присутствия при родах; данный кластер включает традиционных отцов (образ «труженик») и современных отцов («ответственный», «особый отец особого ребенка», «эгалитарный», «творец»);

2) *пассивно-принимающие* отцы преимущественно выполняют инструментальные практики фрагментарного характера или практики смешанного характера: «отец-ребенок», «отстраненный отец», «формалист», «звезда», «трудоголик»;

3) *пассивно-отвергающие* отцы, для которых характерны практики избегания заботы о матери и ребенке, невыполнение функций кормильца и воспитателя, избегание выплаты алиментов: отцы-«прагматики», «незрелые», «стигматизирующие», «эгоисты», «мигранты» и «зависимые» отцы;

4) *активно-отвергающие* отцы, не выполняющие ни инструментальных, ни экспрессивных практик, т.е. для них характерны практики отвержения матери и ребенка: «жестокий», «суррогатный», отец-«гедонист», «иждивенец», «неадаптивный» отец, «отец одного ребенка» и «просто прохожий».

Первые две группы включают отцов, в основном относящихся к средним слоям, но среди них присутствуют и представители рабочих специальностей. Отцы из последних двух групп имеют низкий социальный статус, уровень образования и квалификации. По результатам данного исследования, доминирующими оказались инфантильная и ситуативная отцовские идентичности, следовательно, доминирующими являются практики по большей части инструментальные, отражающие вовлеченность отцов в профессиональную сферу.

В результате анализа социально-статусной функции отца ивановскими исследователями выделены три типа восприятия отца своими детьми:

– «*papa-друг*», активно участвующий в жизни детей, поддерживающий эмоциональную близость с ними; данный тип в основном выделяют участвующие в исследовании женщины из полных семей;

– «*papa – муж мамы*» не вовлечен в процесс воспитания ребенка или вовсе отсутствует, соответственно, такой тип присущ в большей степени участникам исследования из неполных семей;

– «*papa-пример*», которого дети уважают и к которому прислушиваются; ожидаемо, что данный тип присущ больше опрошенным мужского пола из полных семей [12, с. 71].

Немецкие исследователи говорят о сохранении в сегодняшних практиках элементов традиционного, социал-демократичного и индивидуального типов отцовства. Наиболее часто воспроизводимым является традиционный отец *кормилец*. Другая разновидность традиционного отцовства – *модерный кормилец*, которому наряду с исполнением функций обеспечения и защиты удается построить тесные, хорошие отношения с детьми [13, с. 83].

Среди нетрадиционных отцов выделяют следующие типы:

1) *рефлексивный отец*, которого отличает попытка индивидуального пересмотра отцовской роли; в становлении данного типа важную роль играют соответствующие социально-экономические условия и собственный биографический опыт;

2) *целостный, или тотальный, отец*, для которого отцовство является результатом осознанного решения; отцы данного типа придерживаются идеи равноправного участия в семейном быту, отличаются ответственностью и активным участием в повседневной жизни ребенка и семьи в целом;

3) *эгалитарный отец* делит с партнершей обязанности по обеспечению семьи и воспитанию детей 50:50, его участие в повседневной жизни детей отличается большим разнообразием;

4) *отсутствующий отец* – к данному типу относятся отцы, которые после развода не участвуют в процессе воспитания и заботы о детях, а также физически присутствующие отцы, не желающие заботиться о детях [13, с. 83–84].

Генеративное отцовство выходит за рамки социальных практик, так как больше наставляет ребенка, расширяет круг его интересов и горизонт знаний. Данный тип включает «обеспечение здоровья и благосостояния детей, заботу об их отдыхе, личностном и духовном развитии, работу по формированию и трансляции смыс-

лов (в том числе и религиозное воспитание), поддержание полезных для ребенка в будущем социальных контактов, рассматриваемых как социальный капитал» [13, с. 84].

Итак, сегодня существует разнообразие отцовских практик от традиционных, заключающихся в исполнении функции «добытчика», до практик вовлеченного отцовства. Между этими двумя крайними категориями выделяют практики, различающиеся по степени пассивности отца в процессе заботы о ребенке, эгалитарности разделения обязанностей между матерью и отцом.

Факторы выбора отцовских практик

Отцовские практики обуславливают как субъективные факторы, так и внешние обстоятельства. Рассмотрим, влияние каких факторов эмпирически доказано в исследованиях социологов.

Исследование Т.А. Гурко 2006 г. выявило фактор социальной зрелости мужчины. Некоторые респонденты отмечали, что ко второму ребенку они проявляют больше внимания, в случае с первым ребенком они были, возможно, не готовы к отцовству, не понимали, что такое быть отцом [14, с. 200].

Некоторые исследователи немаловажным фактором считают возраст отца. Молодые отцы более интенсивно общаются с детьми по сравнению с отцами старшего возраста, что дает возможность говорить о разных стилевых особенностях воспитания отцов разного возраста [15, с. 106].

Среди объективных факторов в первую очередь существенна позиция супруги, которая может как способствовать вовлечению мужчины в родительскую роль, так и создавать барьеры. О.Н. Безрукова и В.А. Самойлова отмечают, что в отношении роли отца в повседневной заботе о ребенке мнения матерей противоречивы: в принципе поддерживая участие отца, матери чаще, чем отцы, сомневаются, что он сможет справиться с уходом за ребенком, меньше матерей поддерживают желание отцов участвовать в повседневной заботе о ребенке наравне с матерью [16, с. 120].

Фактором, дифференцирующим воспитательные стратегии отцов, проявляющим традиционалистские представления о феминности и маскулинности, является пол ребенка. Согласно результатам исследования социологических проблем дошкольного воспитания, отцы мальчиков считают необходимым физическое развитие и воспитание волевых качеств ребенка, для отцов девочек важнее воспитать в ребенке аккуратность, дисциплинированность, художественные способности [15, с. 52].

В зависимости от пола детей дифференцируются коммуникативные стратегии отцов. В общении с сыновьями отцы предпочитают большую дистанцию, то есть выбирают авторитарную стратегию. Партнерской стратегии придерживаются отцы больше в отношении дочерей: согласно результатам исследования Н.Б. Гафизовой, 75% отцов девочек считают важным поддерживать теплые, дружеские отношения, тогда как среди отцов мальчиков – только 45.8% [17, с. 122].

Влияние на осуществляемые отцовские практики оказывают условия и характер трудовой занятости. Так, отцы, которые хотели бы, но не могут пойти в отпуск в связи с рождением ребенка, в качестве причины отказа называют невозможность уйти с работы. Реализации практик вовлеченного отцовства способствует гибкая занятость, «хотят и могут» пойти в отцовский отпуск те, кто имеют возможность самостоятельно планировать трудовую нагрузку [16, с. 122]. Также важна занятость матери – в отпуск по уходу за ребенком идут отцы в тех семьях, где матери выгоднее не оставлять работу.

На поведение отцов влияет и общественное мнение, непонимание или неодобрение коллег решения об отцовском отпуске. В использовании отцовского отпуска мужчин ограничивает «возможность применения по отношению к ним различного рода негативных санкций как со стороны окружения – друзей, знакомых и семьи, так и со стороны работодателя» [18, с. 97]. Важны социальная поддержка родительской семьи и дружеского окружения, опыт семейной социализации [9, с. 273].

«Ожидание пассивности мужчин в домашней сфере, с одной стороны, и успеха в работе – с другой, препятствует развитию культуры партнерских отношений и совместных практик повседневной заботы о детях» [19, с. 82].

Совместное влияние субъективных и объективных факторов прослеживается в случае обращения мужчины в сетевые родительские сообщества. Они рассматриваются О.Н. Безруковой как источники социального капитала, формирующие ответственные родительские практики. Она исследовала «Папа-школы», представляющие собой «коммуникативную сеть отцов, объединившихся на основе общих целей, ценностей и интересов, а также социального капитала в виде ресурсов информации, компетенций, обмена опытом и новых репродуктивных, гендерных, коммуникативных практик, формирующих идентичность ответственного отца» [9, с. 267]. По результатам исследования, в сообщество отцов изначально включаются мужчины, ориентированные на демократиче-

ские модели отношений в семье и эмоциональную вовлеченность в заботу о детях и женах, но не всегда владеющие знаниями и практически навыками нового отца [9, с. 269]. Влияние фактора родительских сообществ на отцовские практики иллюстрирует пример из данного исследования: мужчины, придерживающиеся традиционного мировоззрения в отношении семейной жизни, пройдя группы поддержки в «Папа-школе», изменили свое отношение к участию в родах и заботе о ребенке [9, с. 269]. Подобная коммуникативная практика способствовала осознанию мужчиной своей новой идентичности как отца, обеспечивая принадлежность к группе и эмоциональную поддержку от таких же, как он, ответственных родителей.

Исследование А.Н. Липасовой показало, что «вовлеченные» отцы не обязательно разделяют эгалитарные представления относительно роли и прав женщин в публичной и частной сферах. Большинство респондентов, отнесенных к категории «ответственных» отцов, будучи религиозными людьми, проявляли активное участие в жизни детей не из стремления к эгалитарности, а из желания укрепить существующие семейные образцы; эгалитарные установки представителей среднего класса из этой категории связаны с экономической необходимостью в доходе, поступающем от обоих родителей [20, с. 339]. Автор заключает, что если на Западе «новое отцовство» носит либеральный характер, то в России оно легло скорее на традиционную почву [20, с. 339].

Выявлению индивидуальных характеристик отцов, определяющих вероятность их участия в повседневной практике заботы о детях, посвящен кросс-культурный анализ мужчин в заботе о детях во Франции, Норвегии и России. Наиболее распространенным способом проявления заботы со стороны мужчин во всех трех странах является проведение досуга с детьми [19, с. 75]. Норвежские отцы более ориентированы на совместное участие в заботе о детях, чем российские и французские. Значимыми факторами, влияющими на вовлечение отца в практики по уходу за ребенком, были признаны:

- *организация рынка труда*, определяющая гибкость занятости и возможности для женской занятости; причем во Франции отмечались результаты, противоречащие ожиданиям, – «негибкие условия работы стимулируют респондентов в большей степени, чем гибкие, принимать участие в заботе»;

- *уровень образования* – фактор одинаков для трех стран: чем ниже образование, тем меньше вероятность вовлечения мужчин в заботу;

- *количество детей*: «в Норвегии вероятность участия отцов с одним ребенком была

ниже, чем отцов с тремя детьми и более, во Франции отношение между этими же категориями было противоположно, в российской выборке в семьях с двумя детьми вероятность участия отцов в заботе была больше, чем в многодетных» [19, с. 79];

- *доход* – для норвежской выборки «участие в заботе оказывается практикой среднего класса, высококвалифицированных наемных работников, в то же время не распространяясь на среду более состоятельных людей, способных удовлетворить потребность в уходе посредством привлечения наемного труда» [19, с. 79];

- *гендерные установки* – чем они традиционнее, тем меньше вероятность, что мужчины будут участвовать в заботе о детях, во всех трех странах [19, с. 80].

Как показало исследование, индивидуальные характеристики не во всех национальных контекстах оказывают одинаковое влияние на вовлеченность мужчин в заботу о детях.

Влияние описанных выше факторов – рынка труда, готовности женщин отдать мужчинам часть обязанностей по воспитанию детей, стратификационных условий (социально-классовая принадлежность, региональный контекст, возраст и количество детей) – на участие отцов в воспитании детей подтверждают и исследования в Германии. «Самый высокий отцовский вклад в воспитание детей – в больших городах, самый низкий – в сельской местности, чем меньше количество детей в семье, тем больше отцовского участия» [13, с. 81].

Таким образом, многие исследователи сходятся во мнении, что на отцовские практики более всего влияют следующие факторы: поддержка матери ребенка желанием отца быть вовлеченным в воспитательный процесс; организация рынка труда в отношении как женщин, так и мужчин; стереотипы, существующие в общественном мнении; социально-экономическое положение; уровень образования; пол ребенка.

По результатам исследований последних лет социологи выделяют спектр практик, различных по степени активности отца в воспитательном процессе и уходе за ребенком. Выявлено наличие «нового» отцовства при доминировании традиционного типа, сохраняющейся проблеме «отсутствующего» отца. Однако «новый отец» присутствует скорее как идеальный образ, нежели как социальная практика; участие отцов в воспитательном процессе часто носит фрагментарный характер, наиболее распространенная форма участия – проведение досуга с ребенком. Различия отцовских практик обусловлены рядом субъективных и объективных

факторов. Важную роль играет фактор рынка труда: зачастую мужчина оказывается более вовлечен в процесс заботы о ребенке, если семье экономически выгоднее, когда женщина работает. Другими важными факторами являются: поддержка матерью ребенка стремления отца быть вовлеченным в воспитательный процесс; социально-экономическое положение; уровень образования; пол ребенка; возраст отца.

Заключение

Следует отметить, что изучение практик отцовства имеет большое значение. Государственная семейная политика направлена на повышение авторитета родительства в семье и в обществе [21]. В Стратегии развития воспитания до 2025 г. одним из направлений указано усиление роли отца в семейном взаимодействии, в механизм реализации стратегии включены проведение и развитие научных исследований в области семьи и воспитания [22].

Государство стремится повысить престиж семьи в обществе, обращаясь к традиционным ценностям, при этом призывая к ответственному отцовству.

Исследовательский интерес должен быть направлен на изучение отцовских практик в современном обществе, на выяснение того, насколько действенна государственная политика с проводимым курсом вовлечения отца в воспитательный процесс при утверждении традиционных ценностей.

Список литературы

1. Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуризации. 2-е изд. М.: Академический Проект, 2005. 528 с.
2. Шматко Н.А. Введение в социализм Пьера Бурдьё. URL: <http://bourdieu.name/content/shmatko-vvedenie-v-socioanaliz-pera-burde> (дата обращения: 26.02.2018).
3. Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики / Пер. с франц.; Отв. ред. перевода, сост. и послесл. Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. 576 с.
4. Бурдьё П. Практический смысл / Пер. с фр.: А.Т. Бикбов, К.Д. Вознесенская, С.Н. Зенкин, Н.А. Шматко; Отв. ред. пер. и послесл. Н.А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2001. 562 с.
5. Мальцева Д.В. Теоретические подходы к изучению отцовства в современной западной социологии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2010. № 5 (99). С. 272–289.
6. Звонарева А.Е. Социальные практики отцовства // Женщина в российском обществе. 2010. № 4. С. 61–68.
7. Звонарева А.Е. Советское отцовство: становление, конструирование и трансформация практик. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2014. 152 с.
8. Кон И.С. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009. 496 с.
9. Безрукова О.Н. Практики ответственного отцовства: «Папа-школа» и социальный капитал // Вестник СПбГУ. Серия 12. Социология. 2012. № 3. С. 266–275.
10. Шевченко И.О. Институт отцовства: актуальные проблемы в поле социологических исследований // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2010. № 3 (46). С. 278–286.
11. Безрукова О.Н. Отцовство в трансформирующемся обществе: ожидания матерей и практики отцов // Социологические исследования. 2013. № 11. С. 118–130.
12. Гафизова Н.Б., Смирнова Д.И. Отцовство как социальный феномен в полных семьях и неполных (вследствие развода) (на примере г. Иваново) // Женщина в российском обществе. 2015. № 3-4. С. 67–77.
13. Рождественская Е.Ю. Отцовство: либеральный тренд от отца к папе? // Социологический журнал. 2010. № 3. С. 75–89.
14. Гурко Т.А. Брак и родительство в России. М.: Институт социологии РАН, 2008. 325 с.
15. Собкин В.С., Марич Е.М. Социология семейного воспитания: дошкольный возраст. М.: Центр социологии образования РАО, 2002. 247 с. (Серия: Труды по социологии образования. Том VII. Выпуск XII).
16. Безрукова О.Н., Самойлова В.А. Отцовский отпуск в России: мечты или реальность? // Социологические исследования. 2017. № 7. С. 116–125.
17. Гафизова Н.Б. Коммуникативные стратегии отцовства // Материнство и отцовство сквозь призму времени и культур: Материалы Девятой Международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 13–16 октября 2016 г., Смоленск. В 2 т. / Отв. ред. Н.Л. Пушкарева, Н.А. Мицок. Смоленск–М.: Изд-во СмолГУ, ИЭА РАН, 2016. Т. 2. 444 с.
18. Авдеева А.В. «Вовлеченное отцовство» в современной России: стратегии участия в уходе за детьми // Социологические исследования. 2012. № 11. С. 95–104.
19. Кравченко Ж.В. Мужчины в заботе о детях: сравнительный анализ России, Франции и Норвегии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Том XV. № 1 (60). С. 65–85.
20. Липасова А.Н. Модели отцовства в постсоветской России: динамика и преемственность в разных социальных группах // Материнство и отцовство сквозь призму времени и культур: Материалы Девятой Международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 13–16 октября 2016 г., Смоленск. В 2 т. / Отв. ред. Н.Л. Пушкарева, Н.А. Мицок. Смоленск – М.: Изд-во СмолГУ, ИЭА РАН, 2016. Т. 2. 444 с.
21. Распоряжение Правительства РФ от 25.08.2014 № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_167897/ (дата обращения: 19.11.2017).
22. Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_180402/400951e1bec44b76d470a1deda8b17e988c587d6/ (дата обращения: 19.11.2017).

**THEORETICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS
OF RESEARCH INTO PATERNITY PRACTICES***A.E. Zvonareva*

Ivanovo State University, Ivanovo

The article attempts to systematize existing approaches to studying paternity practices. The author conducts in-depth analysis of paternity as a social practice, systematizes the typology of paternity practices and presents a number of factors, which determine the choice of paternal practices reflected in modern sociological research. Our analysis of paternity as a social practice includes classical sociological theories and those developed by modern scholars. The article presents the types of paternity practices in accordance with the following criteria: according to the degree of father's participation in the child's life; father's activity/passivity in supporting mother; accepting/rejecting the father's role; how father is perceived by his children; preservation of elements of traditional, social democratic and individual types of paternity in today's practices. The author identifies the following factors that determine the choice of paternal practices based on sociologists' findings: support for the child's mother, the father's desire to be involved in the educational process; labor market organization in relation to both women and men; stereotypes that exist in public opinion; socio-economic situation; the level of education; child's gender. The findings of the article will be relevant for those who are interested in studying modern family, parenthood, modern practices of fatherhood, social policy, gender stereotypes, gender socialization.

Keywords: paternity practices, typology of paternity practices, factors of choosing paternity practices.